

ГЛАВА I.

Въ самомъ концѣ іюня 1914 года, я былъ призванъ изъ запаса на дѣйствительную службу.

На слѣдующій-же день послѣ полученія призывного листа, я явился къ воинскому начальнику.

Предстоявшая война казалась чѣмъ-то, вродѣ увеселительной прогулки, съ ночевками въ полѣ. Это даже было привлекательно послѣ продолжительной городской жизни. Все же остальное пряталось въ неувѣдомомъ будущемъ.

Мой полкъ — 171 пѣхотный Кобринскій — былъ сначала въ Восточной Пруссіи, отсюда онъ отступилъ на Нѣманъ, а съ Нѣмана вся наша 43 пѣх. дивизія была переведена на Варшавскій фронтъ.

На 30 октября 1914 года я былъ назначенъ дежурнымъ офицеромъ по полку.

— Особеннаго ничего нѣтъ, — замѣтилъ старшій дежурный, сдавая мнѣ свои обязанности, — только внизу находятся подъ карауломъ шесть лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпионажѣ.

Отправились туда. Въ полуподвальномъ этажѣ большого помѣщичьяго дома сидѣло подъ карауломъ шесть человекъ — четверо мужчинъ и двѣ женщины.

Большинство арестованныхъ походило на зажиточныхъ нѣмцевъ - колонистовъ. Они, молча, въ разныхъ позахъ, си-

дѣли на табуретахъ вдоль стѣны. Только одинъ изъ нихъ, невысокій, коренастый человѣкъ, съ окладистой бородой, ходилъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь и смотря на небольшое окошечко вверху. Черезъ пыльные стекла ничего не было видно, за исключеніемъ ногъ наружнаго часового. Услышавъ наши шаги, ходившій остановился и взглянулъ на насъ. Въ его свѣтлыхъ, странныхъ глазахъ блеснула надежда, потомъ страхъ; онъ что то хотѣлъ сказать, пошевелилъ губами; затѣмъ снова голова пала на грудь, и онъ опять зашагалъ.

Женщины, низко спустивъ на лица платки, беззвучно плакали.

Въ сторонкѣ отъ этой группы сидѣлъ шестой арестованный. Это былъ глубокій старикъ. На немъ были холщевые штаны и рваный армякъ; черезъ плечо висѣла сума; изъ ея распоровшагося угла выглядывалъ конецъ краснаго платка. Старикъ сидѣлъ, опираясь на липовую палочку.

Босой, безъ шапки, съ длинными вьющимися волосами и ясными, ласковыми глазами, арестованный скорѣе напоминалъ блаженнаго.

Я засмотрѣлся на старика.

— Залюбовались на дѣда, понравился? — окликнулъ меня старый дежурный, молодой и веселый поручикъ, — а на самомъ дѣлѣ онъ скверный человѣкъ. Все время, когда мы окопы рыли, вертѣлся около насъ. Я приказывалъ солдатамъ и впередъ и назадъ его отводить — не помогало. Исчезнетъ на день, на два — глядишь, снова появился. Начнешь говорить — ни бѣ, ни мѣ, ни по-польски, ни по-русски. Наконецъ, на сосѣдномъ участкѣ арестовали; документовъ, конечно, никакихъ; плететь что-то несуразное — «германъ, австріакъ», и все. Чортъ его знаетъ, что за человѣкъ.

Дѣдъ ласково смотрѣлъ на насъ, и невозможно было рѣшить, былъ-ли это блаженный или искусный плутъ.

— А кто остальные? — спросилъ я, когда мы вышли изъ комнаты заключенныхъ.

— Тоже вопросъ: жители одной деревни, поляки, донесли, что такіе-то и такіе-то колонисты нѣмцы занимаются

шпіонажемъ. Колонистовъ арестовали. Теперь колонисты утверждаютъ, что поляки обвинили ихъ по злобѣ и подбросили карту, которую нашли у бородатаго; эта карта, какъ будто, была раньше на стѣнѣ въ школѣ.

Я принялъ дежурство.

День прошелъ спокойно, но ночью стало извѣстно, что нашъ полкъ выступаетъ на позиціи. Съ разсвѣтомъ поднялась суматоха, поскакали ординарцы, начали выводить роты и подводить ихъ поближе къ штабу.

Вывели арестованныхъ.

Ихъ родственники, такіе же на видъ колонисты, уже ожидали появленія заключенныхъ во дворѣ.

Женщина въ темномъ платкѣ рыдала на груди коренастаго мужчины, ея мужа; онъ, молча, гладилъ ее по головѣ. Остальные тихо перговаривались между собой, изрѣдка смѣшивая набѣгавшія слезы. Только одинъ блаженный пасмурно смотрѣлъ на окружающее, не чувствуя полузамерзшей земли подъ босыми ногами, и улыбался по-прежнему. На эту группу озабоченно смотрѣлъ полковникъ. Штабъ дивизіи, куда слѣдовало направить арестованныхъ, за ночь перебрался на новое мѣсто, но мѣста своей стоянки еще не указалъ. А полкъ долженъ былъ выступить на позиціи.

Чувствуя, что мнѣ, какъ дежурному, придется взять въ свои руки дальнѣйшую судьбу арестованныхъ, я, чтобы уклониться отъ этого, подошелъ къ полковнику и попросилъ разрѣшенія сдать дежурство раньше времени и отправиться вмѣстѣ съ ротой. Онъ разрѣшилъ.

Черезъ часъ полтора полкъ двинулся въ дорогу. Пройдя съ полчаса, онъ остановился на перепутьѣ, у стараго креста. Здѣсь вынули карты, и каждому батальону былъ указанъ его участокъ. Нашъ батальонъ шелъ нѣкоторое время по широкой провѣжей дорогѣ, между высокими, полуоблетѣвшими липами, а потомъ свернулъ въ поле налѣво. Изъ сомкнутаго строя батальонъ перешелъ въ по-ротный; затѣмъ каждая рота брала свое направленіе и исчезала среди полей, перелѣсковъ и встрѣчныхъ деревушекъ. Участокъ нашей роты былъ

расположенъ на молодомъ, зеленѣвшемъ полѣ ржи, между фольваркомъ, съ одной стороны, и громадной кучей камней, — съ другой.

Сзади была равнина чуть покатая на насъ, прямо впереди виднѣлась небольшая деревня, полускрытая березовой рощицей. Деревня называлась — Блоне, фольваркъ — Александровъ. Было это, приблизительно, на поль-пути между Варшавой и Калишемъ.

Справа нашимъ сосѣдомъ оказалась V рота 172 полка. Она пришла на свое мѣсто на два часа раньше насъ и успѣла уже вырыть хорошіе окопы съ блиндажами.

Слѣва, у самаго имѣнія, расположилась наша VI рота. Батальонный занялъ, какъ говорили, помѣщичій домъ.

Первымъ дѣломъ нашимъ, по прибытіи на мѣсто, было вырыть окопы. Къ сожалѣнію, лопатъ было очень мало — большинство ~~ихъ~~ было брошено во время отступленія изъ Восточной Пруссіи; земля была твердая, и наши окопчики выпли и мелкими и тѣсными.

Солдаты сейчасъ-же натаскали въ нихъ соломы изъ сѣдняго скирда. Подъ вечеръ завязалась гдѣ то перестрѣлка. Стрѣляли долго, неторопливо, видимо, безъ всякой цѣли.

Ночь прошла спокойно. Было холодно, я пошелъ къ скирду, сдѣлалъ въ немъ берложку и продремалъ въ ней до самаго утра; въ соломѣ было много мышей: онѣ забирались подъ шинель, бѣгали по лицу, а одна залѣзла даже въ карманъ. Ночью нѣсколько разъ навѣстилъ ротнаго командира. Наканунѣ выступленія онъ съѣлъ нѣсколько, очевидно, плохихъ сардинокъ, и его болѣе сутокъ мучили ужасныя боли въ животѣ и поносы. Это очень истощило его, и рано утромъ онъ пошелъ на фольваркъ выпить чегонибудь теплаго.

Но отправиться въ госпиталь онъ отказался. На слова Арцышевича, перваго полуротнаго, и на мои, капитанъ Гурчинъ махалъ рукой и говорилъ: — потомъ!.. А самъ былъ зеленый и шатался отъ слабости.

Въ этотъ день дѣло ограничилось перестрѣлкой нашей и нѣмецкой артиллеріи. Сибирскій тяжелый дивизионъ началъ

первый. Грузно ахнула мортира, загудѣлъ, взвиваясь кверху, снарядъ, потомъ замолкъ; черезъ нѣсколько секундъ донесся мягкій, заглушенный разстояніемъ, разрывъ.

Нѣмцы въ долгу не остались. Въ воздухѣ загремѣло и зазвенѣло, словно по исполинской залѣ ходилъ великанъ и билъ несчетное множество стеклянной посуды. Грохотъ разрывовъ заставлялъ людей прижиматься къ землѣ, а птицъ безпокойно метаться. Пролетѣло нѣсколько стаякъ испуганныхъ куро-патовъ, тревожно лопотали индюки на фольваркѣ, и звонко безпокойлась гдѣ то синичка.

Сверху на чистомъ прохладномъ небѣ сіяло солнце; потомъ его заволокло дымкой, и я совершенно не замѣтилъ, какъ оно сѣло.

Въ темнотѣ подѣхала кухня. Зазвенѣли осторожно котелки, и разнесся запахъ борща и ржаного хлѣба. Когда люди поужинали, я пошелъ навѣстить Арцышевича; по дорогѣ, не замѣтивъ, попалъ въ яму отъ снаряда и чуть не сломалъ себѣ руку.

Арцышевича я нашелъ въ его окопѣ: онъ былъ живъ и невредимъ. Съ разрѣшенія Гурчина, мы побѣжали на фольваркъ — намъ хотѣлось пить и ѣсть. Помѣщичій домъ казался совсѣмъ пустымъ. Только въ одномъ изъ окошекъ мелькалъ слабый синеватый огонекъ. Мы направились къ нему; тамъ были наши деньщики, жарившіе въ кухнѣ гуся. Они разостлали на столѣ газету, положили ножи, вилки и гуся, шипѣвшаго на большой сковородѣ. Мы ѣли торопливо, часто давились и прислушивались, что дѣлается снаружи. Послѣ гуся появился чай; я съ большимъ удовольствіемъ выпилъ нѣсколько стакановъ: мы уже два дня, какъ почти ничего не ѣли и не пили.

На обратномъ пути, проходя черезъ длинную залу, я увидѣлъ даму, сидѣвшую на диванѣ. Передъ ней горѣла свѣчка, лежала книга. На креслѣ, около дивана сидѣлъ мужчина, по виду управляющій имѣніемъ, и уговаривалъ даму, пока еще не поздно, отправиться въ тылъ. Услышавъ наши шаги, женщина подняла голову; у нея были заплаканные глаза и дрожали губы.

Мы съ Арцышевичемъ вышли на крыльцо. Ночь была, какъ чернила; быстрымъ шагомъ мы направились къ нашей ротѣ.

Послѣ короткихъ промежутковъ тишины, ночная темнота наполнялась трескомъ, похожимъ на шелканіе бича; часто небольшой свѣтъ вспыхивалъ надъ головой голубоватой искрой, иногда, взблеснувъ, огненная полоска зарывалась въ землю.

Это стрѣляли нѣмцы не то разрывными, не то свѣтящимися пулями. Пули сильно шелкали и заставляли невольно вздрагивать.

Впередѣ кто-то зажегъ большой скирдъ. Солома ярко горѣла, и въ освѣщенномъ кругу виднѣлись чьи-то черныя, копошившіяся фигуры. Гдѣ-то поблизости бушевалъ наплъ пулеметъ; нѣсколько подалеже ему отзывался нѣмецкій.

Въ темной дали иногда показывались тусклые огоньки; они медленно передвигались, исчезали и снова появлялись. Это бродили нѣмцы съ электрическими фонариками; они не заботились, видятъ ихъ кто-нибудь или нѣтъ.

Несмотря на напряженное состояніе, мои два взвода прекрасно спали въ окопахъ; они звонко храпѣли и не обращали вниманія на перестрѣлку и присутствіе нѣмцевъ. Я со взводнымъ командиромъ пробовали будить спящихъ: мы ихъ трясли, ругали, поднимали за плечи и сажали обалдѣвшихъ спротонокъ людей. Но все это было напрасно. Качнувшись нѣсколько разъ изъ стороны въ сторону, посаженные тѣла снова падали на солому. Сначала одинъ начиналъ цѣть носомъ, къ нему присоединялся другой, и вскорѣ могучій храпъ покрывалъ перестрѣлку, пулеметы и далекіе крики ура.

Таково было дѣйствіе усталости и хорошаго ужина. Нашей ротѣ было приказано оставаться на мѣстѣ и въ перестрѣлку не вмѣшиваться.

Ночью Гурчинъ нѣсколько разъ самъ обошелъ окопы. Его по-прежнему мучили боли въ животѣ, и онъ иногда со стономъ опускался на землю. Онъ ходилъ, не обращая вниманія на опасность, и его спокойствіе передавалось другимъ.

Небо было черное. Съ фольварка доносилось беспокойное

мычаніе коровъ, а гдѣ то вблизи отчаянно замыкалъ котенокъ. Я пошелъ искать его. На мой зовъ изъ травы прикатился маленькій, пушистый комокъ, быстро поднялся по шинели до самаго лица, ткнулся холоднымъ носикомъ въ щеку, пискнулъ на ухо, какъ будто на что-то жалуясь, и сейчасъ же замурлыкалъ весело. Я засунулъ его подъ шинель, на грудь, и быстро побѣжалъ къ фольварку; тамъ нащупалъ дверь, открылъ и бросилъ въ темноту котенка.

Подъ утро я пошелъ навѣстить Гурчина. У него былъ окопъ побольше, съ массой соломы. Ее натащили любившіе своего командира солдаты. Гурчину было лучше. Я легъ рядомъ съ нимъ и мы заговорили, выставивъ головы изъ соломы. Поговорили обо всемъ: о ночныхъ событіяхъ, о грядущемъ днѣ, о томъ, какъ храпятъ наши солдаты. Потомъ разговоръ сразу оборвался. Я подумалъ, что Гурчинъ уже спитъ, когда онъ вдругъ сказалъ измѣнившимся голосомъ:

— Какъ то очень не хорошо. Должно быть, скоро буду убитъ.

Я не нашелся, что сказать ему, и вглядывался въ ночь; ничего, кромѣ мрака, не было.

Въ теплѣ я незамѣтно заснулъ. Спалъ я крѣпко и хорошо, какъ рѣдко когда. Снились прохладные источники, слышалась отдаленная музыка, растилались луга, и на нихъ съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетали большія, сверкающія бабочки, иногда слышалась музыка — тихая и грустная, какъ прошедшая молодость.

Потомъ вдругъ проснулся. Было еще рано, и висѣлъ туманъ. Кто-то спрашивалъ:

— Гдѣ ротный командиръ?

Гурчинъ откликнулся. Къ краю окопа подошла сѣрая солдатская фигура: принесли телефонограмму отъ батальоннаго командира.

При свѣтѣ электрическаго фонарика, Гурчинъ прочиталъ ее вслухъ.

Въ ней сообщалось, что приказа объ отступленіи не будетъ; поэтому, приказывалось держаться до послѣдняго и,

кромѣ того, въ 8 часовъ утра атаковать и занять деревню Блоне.

Гурчинъ поднялся.

— Схожу въ сосѣднюю роту, спрошу, что имъ приказано. Неужели, намъ однимъ наступать? Во всякомъ случаѣ, въ 8 часовъ надо начинать.

Онъ вылъзъ изъ окопа, отряхнулъ содому и зѣвнулъ.

— А я разоспался, забылъ, что война. Оставайтесь тутъ до моего возвращенія и ничего не дѣлайте безъ моего приказанія.

Съ этими словами онъ исчезъ въ туманѣ.

Въ восемь часовъ ровно рота повела наступленіе. Къ этому времени туманъ разогнало, и нѣмцы видѣли, какъ стали прыгать изъ окоповъ наши солдаты. Нѣмцы сейчасъ же открыли пулеметный и ружейный огонь.

Звенящая, невидимая волна разостлалась надъ самой землей; злая, неудержимо - быстрая она сбивала былинки, бороздила землю, зарывалась въ желтую насыпь окоповъ.

Много людей, задѣтыхъ этимъ неотвратимымъ потокомъ, падали тутъ же, на насыпь. Кто могъ — ползъ обратно, а другіе, упавши, больше уже не поднимались.

Уцѣлѣвшіе не обращали вниманія на павшихъ.

Мелко и часто крестясь, каждый ждалъ своей очереди. Метнувшись изъ окопа и пробѣжавъ 30-40 шаговъ, люди падали, потомъ вставали, бѣжали и снова падали. Чѣмъ дальше продвигалась цѣпь, тѣмъ больше оставалось на землѣ лежавшихъ и уже не шевелившихся шинелей.

Стальная воющая волна становилась все безпощаднѣе. Грудь, животъ не чувствовались. Вся жизнь перешла въ глаза. Не пройдя половины пути, рота повернула обратно. Стало еще хуже. Прикрывая отступленіе, наша батарея выпустила лишь двѣ шрапнели; онѣ зло просвистѣли надъ головами и разорвалась въ полѣ, у мельницы. Это была вся артиллерійская поддержка. Когда мы были уже недалеко отъ окоповъ, кто-то закричалъ:

— Ротный командиръ убитъ!.

Я вглядывался въ лежавшія на зеленой ржи тѣла, но ротнаго командира найти не могъ.

Вернулись.

Около половины людей уже не было.

А день только что начинался.

Черезъ нѣсколько минутъ журчащій звукъ послышался сверху; потомъ секунда молчанія. Я выглянулъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Черезъ мгновеніе донесся страшный взрывъ въ два такта. Тяжелый снарядъ попалъ въ скотный сарай. Крыша, балки, стропила — все полетѣло кверху.. Еще такой же снарядъ, въ то же мѣсто.

Взлетѣла снопомъ земля, и высоко въ воздухѣ мелькнуло небольшое животное, должно быть, баранъ. Сарай загорѣлся. Испугано мычали коровы, жалобно блеяли овцы. Густой дымъ заволокъ строенія.

Послѣ фольварка наступила наша очередь. Земля дрожала. Гранаты поднимали столбы песку и камней, вверху рвались шрапнели, по низу стлались ружейныя пули.

Потомъ все сразу смолкло, вдали показались нѣмецкія цѣпи, шедшія на насъ въ атаку.

Мы стали отстрѣливаться. Арцышевичъ, принявшій команду, бѣгалъ вдоль окоповъ, отдавая приказанія. Нѣмцы залегли снова. Ихъ пулеметъ мѣрно заработалъ. Опять появились гранаты, шрапнель.

Потомъ снова передышка, снова пѣпи, снова мы отстрѣливаемся. Сколько такъ прошло времени, я не могу сказать. Выглянувъ въ одну изъ минутъ, когда нѣмцы особенно усердно барабанили по нашимъ окопамъ, я увидѣлъ, что 172 полкъ, бывшій у насъ справа, отступаетъ. Солдаты бросали окопы и быстро бѣжали къ деревнѣ, стоявшей сзади у лѣса.

Я посмотрѣлъ на часы — было около одиннадцати.

Бросивъ насъ, нѣмцы перенесли огонь на отступающихъ. И много полегло на полѣ сѣрыхъ комковъ прежде, чѣмъ имъ удалось скрыться въ лѣсу, за деревней. Иногда, среди кучки бѣжавшихъ появлялся длинный черный столбъ. И, когда дымъ разсѣивался, отъ людей не оставалось и слѣда.

Но что-жь было дѣлать намъ?

Оставаться, бѣжать?

Я посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ должна была находиться наша VI рота, но тамъ уже никого не было. Такимъ образомъ, мы были открыты и справа и слѣва.

Вспомнился приказъ — держаться до конца, отступленія не будетъ. Солдаты вопросительно смотрѣли на меня. Лично я рѣшилъ остаться. Но, кто хотѣлъ бѣжать, тотъ могъ. Этимъ разрѣшеніемъ воспользовалось нѣсколько человѣкъ. Они выскочили изъ окопа и, вивенько пригибаясь, быстро побѣжали назадъ.

Мы остались сиротами въ полѣ. Бросивъ отступавшихъ, нѣмцы обрушились на насъ.

Земля закипѣла. Невозможно было высунуть голову изъ окопа. Арцышевичъ, сдѣлавшись лилово - сѣрымъ, съ глазами, ушедшими глубоко внутрь, бѣгалъ по окопамъ, заставляя солдатъ стрѣлять. Съ каждой минутой становилось меньше людей; съ каждой минутой оставалось меньше винтовокъ. Пули и осколки снарядовъ попадали въ затворы, разбивали лоджа, сгибали штыки, поражая иногда сразу и человѣка и оружіе. Патроны быстро убывали. Отъ частаго куренія хотѣлось пить. Губы ссохлись. Говорить приходилось, громко крича на ухо, — постоянные разрывы сдѣлали насъ глухими.

Ко мнѣ обратился молодой, славный солдатикъ:

— Одолжите папирочку, въ послѣдній разъ передъ смертью покурить...

Послѣ небольшой передышки, нѣмцы, собравшись съ силами, снова ударили по насъ. Они били на этотъ разъ не только по окопамъ, но и въ тылъ, чтобы помѣшать подойти резервамъ.

Среди общаго гула я вдругъ уловилъ одно приближающееся журчаніе; не было сомнѣнія, — это былъ самый близкій изъ всѣхъ снарядовъ. Сидѣвшій рядомъ со мной унтеръ-офицеръ закрылъ глаза. Закрылъ глаза и я. Прошелъ моментъ жуткаго ожиданія. Приближавшійся звукъ сразу оборвался.